

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

М. В. Воробьев

О ПРАВЕ РАННЕ-СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ
(к вопросу о типологии восточного права)

Государство и право неразрывно связаны между собой субстанционально, генетически и функционально, т.е. оба эти явления со-впадают две стороны одного феномена – политической власти. Одна- степень этой связи, уровень развития каждой из сторон в про-се связи, конкретные формы связи – все это может быть и бывает личным у разных народов на отдельных исторических этапах их ествования.

В Японии на заре государственности в IV–VI вв. степень связи а невысока, развитие чисто политических форм явно опережало лость форм правовых, к новым государственным институтам приспо-ливались, с некоторыми изменениями, привычные нормы обычного ва. В эпоху ранней централизованной монархии (сер. VII–IX/X вв.) связь оказалась наивысшей для средневековой Японии. Уровень вития политических и правовых норм достиг весьма значительной пени. Связь между государственными и правовыми институтами ре-зовалась в форме пространного письменного кодекса (гражданско-и уголовного). Кодекс настолько детально оговаривал многие сто-ы государственной и общественной жизни, что это позволило со-менным японским ученым определить государство той поры как авовое" (рицурё кокка" – букв.: государство [на основе] уголов-и гражданских законов). В последующие столетия (XI/XII – сер. вв.) в эпоху военного правления (сёгуната), значение права для ударственной практик заметно снизилось. Хотя еще появлялись ексы, единые для всей страны, они не публиковались и не размно-сь. К тому же ни по составу, ни по объему они не могли сопер-ать с кодексом "правового государства". В период феодальной идробленности (сер. XV–XVI вв.) роль права упала до самого низко-уровня. Каждое княжество руководствовалось собственными установ-лениями, которые лишь иногда и бессистемно объединялись в сборники.

Вновь возросло значение обычного права. В позднем средневековье, в условиях нового, военного объединения страны (XVII – сер. XVIII вв.), наметилось оживление правотворчества. Однако, прежние кодексы, общие для всего населения империи, оказались вытесненными сборниками законов, особыми для каждого из привилегированных сословий, лишенными систематичности и последовательности. Простое население оказалось, в сущности, изъятым из области государственного права и отдано в сферу действия административных распоряжений и обычного права.

В свете сказанного выглядит перспективным изучение кодекса "правового государства". Само право этой эпохи сложилось на базе как местного обычного права, так и права письменного китайского. Сложившись, оно достигло такого развития, что стало наиболее концентрированным и всеобъемлющим выражением основных политических и общественных идей эпохи, хоть в какой-то степени связанных с государственной властью. Поскольку при создании государственных и правовых норм в Японии в раннем средневековье широко использовали аналогичный опыт соседей – Кореи и Китая, – вопрос о характере японского государства и права той эпохи становится неотъемлемой частью проблемы государства и права средневекового Дальнего Востока. Последняя проблема тоже не изолированная. Она – часть более обширной, восточной (а, отчасти, и мировой) проблемы государства и права в средние века. Изучение государственно-правовых положений этих трех зон (японской, дальневосточной, восточной) способно подвести нас к типологии происхождения – в первую очередь права, т.е. к типологии основных законов, по которым право, как самостоятельная подсистема, развивалось на Востоке в средние века, или, как часть более обширной системы, содействовало формированию государственного устройства определенного типа.

Фактическая возможность такого многозонального исследования обеспечивается как сохранившимися юридическими источниками, так и проделанной уже работой по истории восточного права. Основным юридическим источником ранне-средневековой Японии является кодекс Тайхо-Ёро риншурё (701–718 гг.), уголовная часть которого (риншү) сохранилась лишь в отрывках, а гражданская (рё) – почти полностью в комментированном издании (Рё-но гига). Первый перевод на европейский (русский) язык этого последнего осуществляется в нашей стране К.А.Поповым. Диахронное сопоставление этого кодекса с более поздними японскими тем более доступно, что многие из последних переведены на европейские языки. Если для истории Японии и японского права это диахронное сопоставление (не раз проводившееся в Япо-

ни) представляет очевидную важность, то для дальневосточного средневекового права, о типологии которого шла речь, несомненно важнее сопоставление синхронное. На этом последнем пути главное внимание должно быть обращено на вторую, дальневосточную зону, прежде всего, на Китай, а конкретно - на кодексы династии Тан. И здесь уже достигнуты известные положительные результаты (труды Нишида Нобору, Согаба Сидзуо, Ян Хунле и др.). К этой зоне можно подключить право корейское, к сожалению, применительно к этому времени плохо сохранившееся, отчасти - вьетнамское, представленное более поздними кодексами. Привлечение источников по праву из третьей зоны (восточной) ограничивается, главным образом, лишь возможностями отдельного исследователя: это право индокитайское, индийское, центральное-азиатское, византийское, ближне- и средне-восточное, мусульманское и т.п. Попытки сопоставления в пределах этой зоны до сих пор малочисленны (С. Вирахол, Дж. ... Симеда Масао и др.). Конечно, в правовой сфере этой зоны вряд ли обнаружится последовательная серия близких аналогий с японским материалом, но такое сопоставление может вскрыть некоторые общие законы, по которым развивалась государственная и юридическая мысль на средневековом Востоке на примерно одинаковых стадиях исторического развития.

Конкретные исследования по истории права стран и народов средневекового Востока ведутся довольно интенсивно, в т.ч. и в СССР, где они сочетаются с разработкой общетеоретических проблем (Г.А. Дмитриев, Е.И. Кычанов, Е.Э. Липшиц, А.Д. Папазян, А.Г. Перхачьян, М.И. Садагдар и др.).

Можно отметить определенные предварительные результаты синхронного изучения правового материала первой и второй зон (Япония и Китай). 30-ть разделов гражданского кодекса Японии Уш в. довольно хорошо поддаются классификации. Первые разделы (1-5) детально регламентируют структуру власти: ранги и должности, перечень, штаты и обязанности всех звеньев централизованного бюрократического аппарата управления, дворов - императрицы, наследника, принцев, Разделы 6-7 имеют дело с синтоистскими празднествами и обрядами, имевшими важное значение для государства, и с буддийским духовенством. Синтоистские и буддийские организации были подчинены правительству. Три следующих раздела (8-10) неизменно пользуются пристальным вниманием ученых: они заполнены статьями, касающимися крестьянских дворов, земли, повинностей. Новые пять разделов (11-15) разбирают разные аспекты положения и деятельности чиновничества: подготовку, назначение, наследование ранга или должности, ат-

тестацию, жалование. Военно-охранные функции устанавливает разделы 16-ый и 17-ый. Следующие десять разделов (18-27) отведены казенному и коронному (дворцовому) хозяйству и обиходу; правилам придворного этикета, ношения одежды, документации; отпускам, трауру. Разделы 28-29 формулируют правила задержания и наложения наказаний, казалось бы, более уместные в уголовном кодексе. Кодекс завершается разделом "Разное" (30). Статьи и разделы кодекса охватывают те стороны жизни страны и населения, которыми государство стремилось руководить непосредственно средствами права и на самом высоком правовом уровне - на уровне кодекса. Круг понятий, подпадающих под действие кодекса, оказался значительным.

В гражданском кодексе Японии VIII в. развиты два принципа: политический и экономический - обусловившие самую возможность существования "правового государства". Первый принцип провозглашал все население страны, и, прежде всего, простонародье "государевыми людьми" (комин), непосредственными подданными императора; второй - вводил верховную государственную собственность на землю (коти). В результате этого "государевы люди" изымались из-под контроля глав кланов и оказались открыты для любого политическо-правового воздействия на них из центра, а государство приобрело исключительное право распоряжаться землей; наделяя крестьян, платя за службу чиновникам, жалую вельмож. Одновременно с этим правительство получило возможность взимать налоги, подати и отработки с крестьян и ремесленников, обеспечив себя материальной базой и экономически контролировать привилегированные слои.

К важнейшим положениям японского кодекса Тайхо-Ёро ре можно отнести табель о рангах, увязанных с должностями; статус чиновничества, назначение, продвижение, жалование и увольнение которого поставлены в зависимость от прохождения службы; признание государственного значения за религиозными организациями (прежде всего, синтоистскими, а за ними - буддийскими); выдвижение конфуцианства на роль государственного этического учения; определение прав и обязанностей государственных крестьянских дворов - держателей наделов, а также - положения несвободных всех разрядов (казенных и частных); введение системы тройки повинностей (налог, подать, отработка); узаконение личной собственности и права на ее отчуждение; определение прав и обязанностей патриархальной крестьянской семьи (в т.ч. брачных, имущественных, наследственных отношений).

Уголовное право (Тайхо-Ёро рицу) сильнее следовало танскому образцу и склонялось в пользу принципа территориальной подсуднос-

ти, обязательного учета (при вынесении приговора), "внутреннего настроя" в момент совершения преступления, идеи компенсации при назначении наказания. Судебная власть не была отделена от административной. Создатели кодекса основной своей задачей считали четкое и неизбежное определение структуры власти и ее претензий к подданным, а не регламентацию отношений между подданными и, тем более, не обоснование прав подданных по отношению к государству. Эти "права" действительно можно обнаружить в кодексе, но лишь как нечто производное, вторичное, вытекающее из интересов самой верховной власти или прекращения претензий власти к подданным.

Сравнение японского кодекса УШ в. с китайским того же времени обнаруживает много общего и немало различий. Общими несомненно являлись как само наличие системы государственных законов на уровне кодексов, так и нормативный характер конфуцианской морали, немало способствовавшей смягчению, по сравнению с Европой, юридической регламентации общественной жизни (т.е. меньшей роли публичного права) и повышению значения частного права.

К различиям относится выдвигание японским кодексом в виде самостоятельных разделов положений о синтоизме и буддизме, что, однако, не сделало японское государство теократическим; признание нижней социальной ячейкой семьи, двора; владельцем и распорядителем семейным имуществом — главы семьи; возможность наследования по завещанию; сохранение прав женщин в семье на долю наследуемого имущества.

Каждому национальному типу государства соответствует свой тип права. В отличие от спонтанно возникающего права закон — сознательное творение законодателя, оказывающее обратное воздействие на социально-экономические отношения.

В Японии к УШ в. сложилась сложная система законов. "Правовое государство" Японии УШ-Х вв. — это своеобразная форма ранне-средневековой централизованной бюрократической монархии на Дальнем Востоке. Кодекс Тайхо-Ёро рипурё служил как юридическим выражением принципов этой монархии, так и известной гарантией ее существования. Принцип "законности" правления, отстаиваемый самим существованием кодекса, разумеется, не обладал отвлеченной самоценностью. Он отражал тенденцию центрального правительства к полноте контроля в центре и на местах, равнозначному "законности". Оформление этого права происходило с учетом бытования местных традиций, коль скоро они не противоречили новым явлениям в государственной практике, и с широким использованием иноземных форм

для выражения этих явлений, поскольку аналогичных форм не существовало в самой Японии. Такое право укрепляло центральную власть в пору ее расцвета, но оно же стало первой жертвой изменившейся ситуации.

В. Н. Горегляд

КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ У СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЯПОНСКИХ АВТОРОВ

Осмысление исторического процесса – один из важных показателей развития духовной культуры и особенностей культурного самосознания народа. У хронистов это понимание проявляется в отборе, установлении иерархии и последовательности описания событий, у историкографов – в попытках выявить зависимость подъема и упадка государства от тех или иных факторов.

Первые японские хроники получили название "Шесть историй государства" (Риккокуси). Это "Анналы Японии" (Нихон сёки, 720 г.), "Продолжение Анналов Японии" (Сёку Нихонги, 797 г.), "Последующие Анналы Японии" (Нихон кёки, 840 г.), "Продолжение Последующих Анналов Японии" (Сёку нихон кёки, 869 г.), "Подлинные записи о царствовании императора Монтоку" (Монтоку дзицуроку, 879 г.) и "Подлинные записи о трех царствованиях" (Сандай дзицуроку, 901 г.). Они были написаны на китайском языке и первоначально имели задачей фиксировать политические события и нормы поведения, служащие для нравственного и практического руководства монархам и высшим правительственным чиновникам. Идея, заложенная в "Анналах Японии", сводилась к тому, что монарх или правитель занимает свое положение благодаря двум главным достоинствам – божественному происхождению и высокой нравственности. Это обеспечивает ему поддержку духов предков и благополучие в делах.

С течением времени содержание каждой из "Шести историй" выхолащивалось, описание все более сосредотачивалось на событиях, церемониях и официальных назначениях при дворе. В этих описаниях потерялась связь конкретного события или цепи событий с положением дел в государстве, и хроники перестали отвечать своему назначению.

В IX в. фактической властью в Японии завладела Северная ветвь рода Фудзивара. Представителей других сильнейших родов оттеснили на вторые роли. Прокламированные в "Шести историях государства" высшие ценности не имели практического значения. В XI в. появляются "исторические повествования" (рэкиси моногатари), трактующие